

Русская старина

Том 15

УДК 93
ББК 63.3
Р89

Р89 Русская старина: Том 15 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 952 с.

ISBN 978-5-517-95759-7

ISBN 978-5-517-95759-7

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ седьмой.

ЯНВАРЬ.

1876 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Давидишъ Персий, 1606 г. Суты Н. И. Костомарова.	1	Велишскія, 1788 г. Сообщ. кн. А. В. Лобановъ-Ростовскій. (211). 2) Письмо князя Вестун.-Рвнина, 1764 г. Сообщ. К. Н. Востужева-Рюмина. (211). 3) Гр. П. А. Румянцева, 1771 г. Сообщ. А. М. Лавровскій. (212). 4) Суворовъ, 1799 г. Сообщ. Е. А. Висковатовъ. (218). 5) Походъ въ Индiю, 1800 г. Сообщ. Ю. В. Толстой. (216). 6) Атаманъ Калининскій. Сообщ. Г. К. Ръпинскій. (217). 7) Угличъ, 1802 г. Сообщ. А. Чужиковъ. (218). 8) Французъ 1812 г. (218). 9) Сажучья-меланка. (219). 10) Занятая Дерюжковъ. Сообщ. баронъ Ф. А. Виллеръ. (220). 11) Смерть барона П. Вревскаго, 1855 г. Сообщ. баронъ В. А. Вревскій. (221). 12) Бѣгичи. Сообщ. Д. Д. Рабинникъ. (223).
II. Записки Николая Гарновскаго: дворъ императрицы Екатерины II. 1786—1791 гг. Сообщ. А. И. Левшинъ.	9	XII. Библиогр. заметки: 1) Кавказскіе акты. статья М. П. Щербинина. (225). 2) Военная исторiя соч. кн. П. С. Голицына. (234).
III. Михайловъ, побѣдитель Пугачева. Биографическій очеркъ. Состав. И. И. Ороуза.	192	XIII. Библиографическій листокъ (на оборотѣ).
IV. Нашъ языкъ и художественно-археологическіе труды. Рассказъ академика Ф. Г. Солнцева. 1801—1875 гг.	109	
V. Испытания о русскомъ театрѣ 1828—1836 гг. П. А. Каратыгина.	88	
VI. Н. В. Гоголь въ его издаваемыхъ запискахъ, 1827—1828 гг.	39	
VII. В. Г. Бѣлинскій въ 1829—1832 гг., новые матеріалы къ его биографіи. Сообщ. кн. Н. Н. Шугалевъ.	46	
VIII. А. П. Строевъ: очерки и заметки о музыкѣ, 1842 г. Сообщ. В. В. Стасовъ.	129	
IX. Очеркъ событій на Кавказѣ 1835—1850 гг.	144	
X. Восточная война, 1853—1854 гг. Кн. Писемскій и кн. Горчаковъ.	163	
XI. Листки изъ западной книжки «Русской Старины»: 1) Артемія		

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Давидишъ Перскаго, гравюра Кизіана 1606 г., точный снимокъ, исполненный акад. М. П. Помалостинимъ и отпечатанный въ Парижѣ.—II. Портретъ Михайловскаго, побѣдителя Пугачева, гравюра на мѣди акад. М. П. Помалостина, отпечатана въ Парижѣ.—III. Записки князя, рис. проф. Шарлеманъ, гравир. акад. Л. А. Строевъ.

Отпечатано и продается третье изданіе «Русской Старины» 1870 г.
Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

Принимается подписка на «Русскую Старину» 1876 г.
Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Вольш. Садовая, д. № 49—2).

1876.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ

Описание зимняго похода въ Хиву въ 1839—1840 гг., сочиненіе генеральнаго штаба ген.-лейт. Иванниа, 1 книга, 8°, въ Спб. Цѣна 2 руб. (продается въ канц. воен.-уч. ком. главн. штаба).

Генералъ-лейтенантъ Иванниъ, † 2-го сентября 1874 г., съ 1836 г., въ чинѣ капитана генеральнаго штаба, 8 лѣтъ весьма длительно и съ большою пользою служилъ въ бывшемъ Оренбургскомъ корпусѣ; въ 1839—1840 гг. участвовалъ въ зимнемъ походѣ въ Хиву и по возвращеніи занялся составленіемъ описанія его на основаніи собранныхъ и разработанныхъ имъ свѣдѣній. Это описаніе было издано въ концѣ 1874 года на иждивеніе военно-учебнаго комитета—въ уваженіе замѣчательныхъ достоинствъ этого труда, богатаго не только достоверными фактическими данными, но и многими историческими, географическими, этнографическими и т. п. о Средней Азійи и кочевыхъ ея обитателяхъ свѣдѣніями. Въ книгѣ изложены: обзоръ походовъ въ Хиву, предшествовавшихъ походу 1839—1840 годовъ; изслѣдованіе путей въ Хиву, первоначальная смѣта надержекъ похода въ нее, планъ похода, приготовленія къ нему, составъ отряда, закупка и заготовка разныхъ запасовъ, выборъ передовыхъ укрѣпленій въ степи для склада запасовъ, перевозка послѣднихъ, сборъ верблюдовъ, выступленіе передоваго отряда и главныхъ силъ, движенія и дѣйствія ихъ до Эмбенскаго и потомъ до Акбулакскаго укрѣпленій, и возвращеніе отъ послѣдняго на оренбургскую линію, причины и послѣдствія того, разборъ причинъ неуспѣха похода и соображенія о возможности продолжать походъ въ Хиву, и въ концѣ книги весьма важныя приложенія, въ томъ числѣ выписка изъ путешествія Виткевича, въ 1836—37 гг., въ Вухару, также карта, планы укрѣпленій, чертежи и рисунки.

О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ и средне-азійскихъ народовъ при Чингисъ-ханѣ и Тамерланѣ, сочиненіе генерала Иванниа, съ картами и чертежами; въ 8°. Спб. 1875 г. Издана, по смерти автора, военно-ученымъ комитетомъ главнаго штаба подъ редакціею генералъ-лейтенанта князя Н. О. Голицына. Ц. два рубля.

Это замѣчательное сочиненіе г.-л. Иванниа было первоначально составлено имъ, на основаніи главныхъ и лучшихъ восточныхъ источниковъ и трудовъ нашихъ и иностранныхъ ориенталистовъ, еще въ 1841—1845 гг. и напечатано въ 1846 г. во 2-й книгѣ «Военнаго Журнала». Въ послѣдствіи г.-л. Иванниъ болѣе нежели четверо пополнилъ и распространилъ это изслѣдованіе и въ началѣ 1874 года представилъ въ рукописи на рассмотрѣніе

военно-ученаго комитета, но † 27-го сентября того же года, не доживъ до изданія своего почтеннаго труда.

Онъ раздѣленъ на 2 части, въ каждой изложены по порядку жизнь и политическія, гражданскія и военныя постановленія Чингисъ-хана и Тамерлана, система, характеръ и искусство веденія войны ими и самыя войны и походы ихъ на основаніи восточныхъ источниковъ и подлинныхъ сочиненій вѣдѣстѣйшихъ ориенталистовъ: русскихъ ученыхъ Іакиннеа Бичуряна, В. В. Григорьева, и иностранныхъ—Вагон d'Ohsson, Вагон Hammer и другихъ, равно Карамзина, Соловьева и другихъ. Изложенное впервые военнымъ специалистомъ, оно имѣетъ общенсторическое и собственно военно-историческое значеніе въ отношеніи къ Азійи и Европѣ вообще и къ Россіи въ частности. Въ послѣднемъ отношеніи оно имѣетъ преимущественныя значеніе и важность для насъ русскихъ, по многимъ причинамъ, изображая нашествія монголо-татаръ на Россію и завоеваніе ея ими съ военной точки зрѣнія и знакомя насъ съ прошедшимъ и настоящимъ бытѣми той массы средне-азійскихъ кочевыхъ народовъ, которые нѣкогда, соединенные подъ властію гениальныхъ Темуджана или Чингисъ-хана и Тимуръ-бека или Тамерлана, были грозю и ужасомъ Азійи и Европы. Критическое, вполне вѣрное, хотя и краткое, военное изслѣдованіе походовъ Батыя, внука Чингисъ-хана, въ 1240—1241 гг., въ Россію, Польшу, Силезію, Моравію, Венгрію и даже до береговъ Адриатическаго моря,—походовъ, долженствовавшихъ быть первыми изъ числа 18-ти, во столько же лѣтъ, предназначенныхъ по плану Чингисъ-хана, для завоеванія всей Европы, представляются намъ, съ военной точки зрѣнія, въ нѣмъ видѣ, нежели тотъ, въ которомъ они изображены гражданскими историками—иностранцами и на основаніи нашихъ монастырскихъ лѣтописей (очень неудовлетворительныхъ) русскими. Наконецъ, свѣдѣнія о монголо-татарахъ при Чингисъ-ханѣ и Тамерланѣ и о средне-азійскихъ кочевыхъ народахъ въ ихъ и наше время могутъ быть существенно полезны для нашего управленія этими народами въ настоящее и будущее время и для веденія нами войны въ Средней Азійи.

Касій: О походахъ древнихъ русскихъ въ Табаристанъ. Б. Дорна. Спб. 1875 г., LVI и 718 стр., съ картами и таблицами.

Этотъ объемистый томъ, составляющій приложеніе къ XXVI тому Записокъ имп. академіи наукъ—плодъ многолѣтнихъ и тщательныхъ изысканій нашего почтеннаго ученаго ориенталиста. Несмотря на специальность и неразлучную съ нею сухость, происходящую отъ перечисленія ча-

Οὐκ ἀφῆκεν αὐτὸν, ἕως ἤνεγκεν αὐτὰς σηπτορθε βασιλείας
 ἔξουσίαν τυραννῶντων αὐτῶν. ψευδέας δὲ ἔδειξε οὖν αὐ-
 μησι μύθοις αὐτῶν, ἢ ἔδωκεν αὐτὰς δόξου αἰώνιον. 609.

Admiratione uirtutis, quam Deus in luce populorum posuit,
Sculpsit Lucas Kilianus Augustae Vind. An. MDCVI.

ДЖЕДИМИТРИЙ ПЕРВЫЙ.

По поводу современнаго его портрета

1606 г.

Въ тотъ періодъ нашей исторіи, когда московскіе государи Рюриковой династіи медленно собирали русскую землю и распространяли ея предѣлы на счетъ бывшихъ своихъ завоевателей татаръ, пространство, заселенное великорусскимъ племенемъ и всѣми подчиненными ему племенами, было мало извѣстно западной Европѣ. Древняя, всеславянская связь русскаго народа съ Европой, существовавшая въ до-татарскія времена, давно уже предалась забвенію; Московія, какъ называли наше отечество на западѣ, играла для западныхъ европейцевъ такую же роль, какую теперь играетъ Коканъ, Кандагаръ или какое-нибудь другое средне-азіатское государство, куда за нѣсколько лѣтъ едва заѣдетъ любознательный англичанинъ, чтобы потомъ подарить европейской публикѣ свои путевыя замѣтки. Въ старую Россію ѣздили или торговые люди, имѣвшіе цѣлью всей жизни матеріальную наживу, или посольства изъ Польши, Германіи и другихъ сосѣднихъ странъ. Ни тѣмъ, ни другимъ не было большой охоты знакомиться со своеобразнымъ бытомъ чуждаго для нихъ края и описывать его. Исключеніе составлялъ Сигизмундъ Герберштейнъ, который, будучи императорскимъ посломъ, такъ хорошо присмотрѣлся въ московской странѣ, ея быту и образу жизни, что оставилъ сочиненіе, поражающее насъ и теперь добросовѣстностію автора столько же, какъ и вѣрностію переданныхъ имъ извѣстій. Герберштейнъ, въ его вѣвѣ, былъ, можно сказать,

одинъ въ своемъ родѣ: никто изъ предшествовавшихъ его посѣтителей Россіи и изъ современниковъ его, переходившихъ за таинственный, не для всѣхъ открытый, рубежъ этой страны, не могъ сравниться съ Герберштейномъ въ достоинствахъ свѣдѣній, какія могъ тогда сообщить о Россіи познакомившійся съ нею иноземецъ. Съ царствованія Ивана Грознаго Европа начинаетъ болѣе знать Россію. Съ нею знакомится Англія; до тѣхъ поръ это была до того чуждая Россіи страна и до того Россія была для нея не вѣдома, что прибытіе на двинскій берегъ эскадры Ричарда Ченслера считалось у англичанъ такимъ же открытіемъ новыхъ странъ на земномъ шарѣ, какимъ были подвиги Колумба и его послѣдователей. Англія не только познакомилась съ Россіей, но даже подружилась съ нею; а такъ какъ Англія и въ тотъ вѣкъ стояла безмѣрно выше по образованію и политическому строю надъ Россією, то и неудивительно, что англичане стали самыми безжалостными эксплуататорами экономическихъ силъ русской земли. Но съ этихъ поръ горизонтъ свѣдѣній о Россіи по всей Европѣ значительно расширился. Этому способствовало еще и слѣдующее обстоятельство. Пока Россія въ своей текущей исторіи не представляла для Европы ничего дивнаго, ничего сказочнаго, ничего необыкновеннаго, интересъ въ ней не могъ на западѣ проникнуть въ массы публики; но личность Ивана IV заключала въ себѣ нѣчто такое, что невольно останавливало на себѣ воображеніе, приводило въ ужасъ, оставляло какую-то загадочность. Слухи о его свирѣпствахъ, о дикихъ и вычурныхъ казняхъ, совершаемыхъ въ Александровской слободѣ, послужили поводомъ къ составленію не одной книги, которой авторъ ясно выказывалъ цѣль потѣшить своихъ читателей страшными, но занимательными разказами анекдотическаго свойства. За грознымъ царемъ совершились въ Россіи одни за другими событія, которыя такъ и просились въ подобные разказы. Такова была, на примѣръ, судьба Бориса и его семьи; но болѣе всего—чудная судьба царевича Дмитрія, о которомъ десятки лѣтъ современники не въ состояніи были рѣшить: точно-ли этотъ царевичъ былъ умерщвленъ въ отроческомъ, или же, чудеснымъ образомъ спасенный, явился на царство на короткое время, чтобы заплатить жизнію за предпочтеніе, оказываемое обычаямъ просвѣщенной Европы—обычаямъ варварской Московіи. Лицо царствовав-

шаго подь именемъ Димитрія было до того загадочно, что послѣ него проходили столѣтія, а историкъ, обратившись къ нему, все продолжалъ становиться втупивъ надъ вопросомъ: кто и что была эта личность? Событія жизни перваго самозванца и вся послѣдовавшая за нимъ московская трагедія съ цѣлымъ рядомъ ложныхъ Димитріевъ, съ поляками, шведами, казаками, боярами-предателями и народомъ, спасавшимъ погибающее отечество — все это послужило явленію историческихъ описаній почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Можно смѣло сказать, что ни объ одномъ изъ событій нашей древней исторіи не было писано въ Европѣ столько книжекъ и брошюръ, какъ о личности, открывшей собою цѣлый рядъ плутовъ, принимавшихъ на себя имя Димитрія. Не удивительно, что и современные портреты этого страннаго человѣка явились въ Германіи въ гравюрахъ, тогда какъ, сколько намъ извѣстно, нивого еще тамъ не гравировали изъ государей, царствовавшихъ въ далекой Московіи.

Приложенный здѣсь портретъ—работы Луи Киліана, аугсбургскаго художника. Трудно намъ рѣшить, съ какаго оригинала производилъ Киліанъ свою гравюру и была-ли она кѣмъ-нибудь ему заказана. Насколько намъ сохранились свѣдѣнія объ этомъ Киліанѣ, мы не видимъ въ нихъ ничего, чтобы указывало на обстоятельства, поставившія этого художника въ близкое соотношеніе съ московскимъ царемъ, или его роднею, которая могла бы заказать ему этотъ портретъ. Составленіе догадокъ ни къ чему не ведетъ. Очень можетъ быть, что Киліанъ задумалъ составить эту гравюру, когда ему попался въ руки портретъ и вмѣстѣ съ нимъ одно изъ тѣхъ занимательныхъ описаній походовъ Димитрія, которыхъ тогда ходило довольно. Какъ бы то ни было, портретъ самозванца, очевидно, сдѣланъ былъ при его жизни, или, быть можетъ, тогда, когда вѣсть о его смерти не разошлась еще по Европѣ, и художникъ считалъ его живымъ и царствующимъ въ Москвѣ: это показываетъ надпись вокругъ портрета. Гравюра Киліана уже была издана покойнымъ княземъ Михаиломъ Андреевичемъ Оболенскимъ, (въ 1839 г., гравир. Скотниковъ, но въ такомъ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, что не могла составить достоянія многочисленной публики. Теперь эта гравюра издается въ количествѣ, равномъ количеству экземпляровъ «Русской Старины», и есть надежда, что не пропадетъ для занимающихся и интересующихся русской исторіей.

Много у насъ было толковъ о томъ, кто такой былъ первый самозванецъ и какого характера былъ этотъ человѣкъ. Тотчасъ послѣ его низверженія новое правительство увѣряло народъ, что онъ былъ бѣглый іеродіаконъ Чудова монастыря Григорій Отрепьевъ, то есть то самое лицо, какимъ его объявили народу при Борисѣ, когда названный Димитрій готовился съ толпою польскихъ и южно-русскихъ удалцовъ перейти рубежъ московскаго государства, чтобы сорвать корону съ похитителя. Это мнѣніе мало принималось въ то время народомъ: лучшимъ тому доказательствомъ служить то, что предъ воровскими знаменами втораго самозванца склонялись города за городами, области за областями и толпы всякаго чина людей бѣжали въ тушинскій лагерь, какъ въ обѣтованную землю, и только совершенной неспособности царика-вора, да безчинству поляковъ, помогавшихъ ему, обязанъ былъ Шуйскій тѣмъ, что тушинскій воръ не добрался до Кремля и не стащилъ царя Василія съ престола. Должно быть доводы, представляемые православному люду о томъ, что царствовавшій Димитрій былъ никто иной, какъ воръ-разстрига Гришка Отрепьевъ, казались современникамъ не слишкомъ вѣскими; но протекли годы за годами—ужасные годы тяжкихъ бѣдствій—годы страшнаго лихолѣтія, о которомъ у велико-русскаго народа сохранилось въ памяти, что тогда на всей Руси осталась едва десятая часть всего народонаселенія, число свидѣтелей появленія перваго Димитрія убывало, а ихъ дѣти и внуки могли говорить только то, что слышали отъ отцовъ, либо отъ грамотныхъ духовныхъ, единственныхъ проводниковъ книжнаго просвѣщенія на родинѣ. Обращались къ писаннымъ книгамъ, но въ нихъ находили то, что нѣкогда угодно было правительству: царствовавшій подъ именемъ Димитрія былъ воръ, еретикъ, чародѣй, разстрига, который «Божьимъ попущеніемъ, при помощи діавола и при содѣйствіи іезуитовъ, восхотѣвшихъ искоренить православную вѣру греческаго закона и ввести въ руссійское царство латинскую вѣру, обманулъ множество народа и на превысочайшій московскій престолъ аки песь вскочилъ». Такимъ и остался онъ на долго. Мало подвергая критикѣ источникъ, откуда воспріяло начало мнѣніе о томъ, что царствовавшій подъ именемъ Димитрія былъ Гришка Отрепьевъ, позднѣйшіе историки наши вѣрили въ это потому, что такъ говорили стародавніе лѣтописцы и всякія царскія грамоты.

Мы не станемъ повторять нашихъ доводовъ, помѣщенныхъ въ нашемъ сочиненіи: «Смутное время Московскаго государства въ началѣ XVII столѣтія». Желающихъ узнать наше мнѣніе просимъ обратиться въ вышепомянутому нашему сочиненію. Не станемъ также повторять доказательствъ, что названный Димитрій не былъ настоящимъ царевичемъ. Но если онъ не настоящій Димитрій, то остается вопросъ: сознательно-ли онъ принялъ на себя это имя, будучи внутренно убѣжденъ, что онъ на самомъ дѣлѣ не царевичъ, или же онъ съ дѣтства былъ наученъ и подготовленъ другими, такъ что и самъ искренно вѣрилъ, что онъ Димитрій? Его характеръ, какъ мы сказали, сильно побуждаетъ къ послѣднему предположенію. Но есть одно обстоятельство, не позволяющее признать, что самозванецъ былъ наученъ другими въ такой степени, что вполне вѣрилъ, что онъ Димитрій-царевичъ. Такая увѣренность могла быть при такомъ только условіи, когда бы Димитрія, для его спасенія, подмѣнили еще въ то время, о которомъ онъ не могъ имѣть никакой памяти, т. е. колыбельнымъ младенцемъ, или, по крайней мѣрѣ, не старше четырехъ, или пяти лѣтъ. Но событіе убійства царевича въ Угличѣ совершилось въ 1591 году, когда царевичу было почти девять лѣтъ. Между тѣмъ, король Сигизмундъ III, послѣ свиданія съ самозванцемъ въ Краковѣ, писалъ панамъ письма, въ которыхъ излагалъ свѣдѣнія, сообщенныя ему при личномъ свиданіи московскимъ царевичемъ о своемъ чудесномъ спасеніи. Одно изъ такихъ писемъ съ собственно-ручною подписью королевской руки къ пану Зеновичу находится въ рукописномъ собраніи императорской публичной библіотеки. Сигизмундъ извѣщаетъ, что царевичъ рассказываетъ, будто его спасли въ ту самую ночь, когда, по повелѣнію Бориса, злодѣи пришли убить его. Возможно-ли послѣ этого, чтобы человекъ, рассказывающій о событіи, случившемся въ то время, когда ему былъ девятый годъ отъ роду, могъ искренно вѣрить въ совершеніе этого событія, тогда какъ оно совершилось не надъ нимъ, а надъ другимъ лицомъ.

Такимъ образомъ это письмо Сигизмунда не допускаетъ признавать въ названномъ Димитріѣ невольнаго обманщика, обманывающаго другихъ въ томъ, въ чемъ самъ онъ былъ заранѣе обманутъ. Согласно съ этимъ извѣстіемъ, сохранившимся въ письмѣ Сигизмунда, понялъ нашего названнаго Димитрія и Янъ Замои-

скій, одинъ изъ образованнѣйшихъ, гуманнѣйшихъ и правдивѣйшихъ людей тогдашней Польши, благородный защитникъ совѣсти и всякихъ убѣжденій, нелюбимый коварнымъ Сигизмундомъ и ненавидимый наставниками послѣдняго — іезуитами.

Въ самомъ дѣлѣ, при началѣ поприща названнаго Дмитрія, кто вѣрилъ въ его царское происхожденіе въ Польшѣ?—Мнишекъ. желавшій блестящимъ образомъ устроить дочь свою, да и самому нажитья на счетъ московскаго государства,—Мнишекъ, человѣкъ, не пользовавшійся уже издавна доброю репутаціею въ Польшѣ. человѣкъ, котораго считали обокравшимъ покойнаго короля Сигизмунда-Августа въ часъ его кончины въ замкѣ Кнышинѣ: да его родственники Вишневецкіе, которые въ этомъ вопросѣ превосходно себя заявили, когда Адамъ Вишневецкій первый, какъ извѣстно, признавшій въ своемъ служителѣ настоящаго царевича, былъ одинъ изъ первыхъ, признавшихъ за того же настоящаго Дмитрія втораго самозванца, появившагося черезъ годъ послѣ того, какъ первый сложилъ голову. Затѣмъ признали его іезуиты, которые были готовы на всякій обманъ, слѣдуя правилу своего ордена употреблять безъ разбора всякія средства для распространенія власти папы и римско-католической вѣры. Стоитъ только просмотрѣть годовыя замѣтки іезуитскаго ордена (*Annae Societates Iesu*), чтобы видѣть, на какіе безстыдные обманы были способны эти господа, умышленно проводившіе въ общество господство мрака, суевѣрія и обмана. Вотъ друзья и сторонники названнаго Дмитрія въ Польшѣ. Припомнимъ извѣстную поговорку: «скажи намъ, съ кѣмъ ты друженъ и я скажу, кто ты таковъ!»

Если Дмитрій не былъ Гришка и притомъ не былъ ни настоящимъ царевичемъ, ни увѣреннымъ, съ голоса другихъ, что онъ царевичъ, то кто бы онъ ни былъ, онъ все-таки обманщикъ, плутъ. Какъ же согласить это съ тѣми свѣтлыми чертами, которыя проявлялись въ его характерѣ? Мы, конечно, не все въ подробности знаемъ о жизни этого человѣка; но если вѣрить рассказамъ голландца Массы (а не вѣрить ему — онъ нигдѣ не подаетъ повода), то за царемъ Дмитріемъ водились очень не симпатичные признаки циническаго разврата, да наконецъ. его поступокъ съ Ксеніей Борисовной не очень говоритъ въ пользу его высокой нравственности. При томъ же въ свое кратковременное царствованіе онъ много наговорилъ хорошаго, много